

Алдамжарова М.Г.

«АК АРУАНА» ПОВЕСТИНИН СЮЖЕТТИК ЖАНА ИДЕЯЛЫК
ТЕМАТИКАЛЫК БӨТӨНЧӨЛҮКТӨРҮ

Алдамжарова М.Г.

СЮЖЕТНОЕ И ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
ПОВЕСТИ «БЕЛАЯ АРУАНА»

M.G. Aldamzharova

THE SCENE AND IDEOLOGICAL-THEMATIC ORIGINALITY
IN THE STORY «THE WHITE ARUANA»

УДК: 811.512.122

Макалада казак жазуучусу Сатимжан Санбаевдин повестиндеги көркөм бөтөнчөлүктөрүнүн өзгөчөлүктөрү ачылып берилди. Заманбап китеп окуучу повесттен адамдын өмүрүндөгү тагдыр, бакыт, трагедия жөнүндө олуттуу философиялык ой жүгүртүү, туулган жер жана анын жаратылышы менен биригүүсү, улуттук дүйнө таануунун эч качан маанисин жоготпой турган баалуулуктары жөнүндө түшүнүк калат.

Жазуучунун социалдык, адеп-ахлактык, философиялык идеяларын айлана-чөйрөнү сүрөттөнү динамикалык түрдө ачып берген повесттеги композициялык өзгөчөлүктөрү, речтик каражаттарды тандоосу айгинелейт.

Негизги сөздөр: *улуттун каада салты, образдуулук жана тактык, жеке турмушундагы бактысыздык, «кандын үнү», атак-даңк, тагдыр жөнүндө философиялык ойлор, көркөмдүктүн өзгөчөлүктөрү, социалдык философиялык идеялар, адамды жана жаныбарды аныктоо.*

В статье раскрываются особенности художественного своеобразия повести казахстанского писателя Сатимжана Санбаева. Современным читателем повесть воспринимается как серьезное философское раздумье о судьбе, счастье и трагедии в человеческой жизни, о единении с родной землей и ее природной, о непреходящих ценностях национального мировосприятия.

Социальные, нравственные, философские идеи писателя проявляются в особенностях композиции повести, в подборе речевых средств, динамически раскрывающих изображение окружающего мира.

Ключевые слова: *национальные традиции, образность и точность, несчастный в личной жизни, «голос крови», широкая известность, философское раздумье о судьбе, художественные особенности, социальные, философские идеи, отождествление человека и животного.*

The article discloses the the peculiarities of artistic originality of the story by kazakh writer Satimjan Sanbaev. The story perceived by the reader as a serious philosophical meditation about fate, happiness and tragedy in human life about the union with the native land and its nature, about the imperishable values of national perception of the world.

The writer's social, moral, philosophical ideas are shown in the peculiarities of story's composition, in the selection of speech means, which dynamically reveals the picture of the world around us.

Key words: *national traditions, imaginations and precisions, unhappy in his life, "a voice of blood", the wide fame, philosophical meditation about the fate, artistic peculiarities, social, moral, philosophic ideas identifying the person and animal.*

Сатимжан Хамзаулы Санбаев – наш современник, известный казахский прозаик, драматург, сценарист, публицист, переводчик, пишущий в основном на русском языке. Его имя широко известно за пределами Казахстана: произведения С.Санбаева знакомили русскоязычных читателей на всей обширной территории бывшего Советского Союза с национальными традициями, духовными ценностями, историей и современностью казахского народа; его рассказы и повести неоднократно переведились на немецкий, венгерский, польский и другие языки и издавались за рубежом. По богатству, образности и точности языка его проза не уступает произведениям такого признанного мастера художественного слова как Чингиз Айтматов.

Повесть «Белая аруана» – одно из самых поэтических произведений Сатимжана Санбаева, занимающая особое место в его творчестве. Это одно из первых произведений писателя, опубликованное в журнале «Простор» в 1968 году.² В 1971 году С.Санбаев привез эту повесть в Москву на семинар Чингиза Айтматова в Литературном институте им. М.Горького для обсуждения. Именно тогда Чингиз Айтматов произнес пророческую фразу, характеризуя первое произведение начинающего автора: «Белая аруана» обещает настоящего писателя».

В основе этой повести – собственные воспоминания детства автора, проведенного им на земле Атырау и на древнем полуострове Мангышлак – том самом «Вечном оплоте», который он с такой любовью описывает почти во всех своих произведениях. Действие повести разворачивается в 60-е годы XX века в поселке Макат Гурьевской (ныне Атырауской) области. Сюжет повести, на первый взгляд, довольно прост. Это рассказ о жизни ее главного героя Мырзагали, вернувшегося с войны калекой, несчастного в личной жизни, и о судьбе выращенного им верблюжонка, превратившегося в прекрасную *белую аруану*, непрестанно тоскующую по своей далекой родине, стремящуюся к ней с непреодолимым упорством в течение всей своей жизни и погибающую в этом стремлении к свободе. Но за этим незамысловатым сюжетом скрывается глубокое и психологически тонкое образное содержание, передаваемое целой системой речевых средств.

² См.: «Простор», 1968, № 12.

Главной темой повести является любовь человека к родной земле, к тому многогранному миру, который окружает его с первых шагов в жизни. Для героев повести – Мырзагали и выращенной им аруаны – глубокая привязанность к родной земле столь же естественна, как способность человека чувствовать, видеть, слышать, дышать. Те силы, которые выступают против проявления этой любви и привязанности, тем самым выступают против естества самой жизни. Вместе с тем это не просто притча о любви к своей «малой родине». «Белая аруана», подчеркивает П.Косенко, «вовсе не так однозначна. Писатель с большой выразительностью говорит о громадной силе стихийной привязанности к «своему», силе «голоса крови». Интенсивность, напряженность этого чувства импонирует ему, и автор передает свое ощущение читателю. Но он не может не подчеркнуть и другого – слепоты этой стихийной силы, того, что она может стать и бессмысленной и жестокой» [4]. В финале повести ослепшая аруана устремляется в последний свой побег, и даже ее верблюжонок не может остановить влекомую могучим инстинктом мать: «Мгновение длилась борьба аруаны с собой: она схватила верблюжонок зубами за шею, приподняла, отшвырнула прочь» («Белая аруана» - 8, 27). Продолжение этой темы мы видим в повести С.Санбаева «И вечный бой!..» (1968 г.). Секер – младшая жена легендарного батыра Ботакана, подобно *белой аруане* была насильно увезена из родного дома – «из страны гор». Всю свою жизнь тоскует любимая жена Ботакана, мать трех его сыновей «о далекой земле, куда однажды нагрянули кипчаки, о зеленых склонах гор, покрытых виноградниками, о маленьком домике на краю селения... Ее пугала эта суровая степь – безбрежная, бесконечная даль... Но мудрый закон был у воинственных кочевников: *родина женщины там, где живут ее дети*, - гласил он, и Секер со временем поняла и приняла его» («И вечный бой!..»). Лишь человек способен и обязан найти то равновесие между мечтой и реальностью, страстным желанием и жизненной необходимостью, которое поможет ему выстоять.

Повесть «Белая аруана» сразу принесла молодому автору широкую известность и до сих пор воспринимается как главное его произведение. Накануне юбилея С.Санбаева в 1999 году председатель Союза хореографов Казахстана Дюсенбек Накипов ярко и образно писал о «главной книге» уже известного мастера художественного слова: «...Все еще летит она в мареве полуденного зноя над солончаками Атырау и каменистой землей Мангыстау, вдоль древних мазаров, - ничто не может удержать этот прекрасный бег. Свобода и чувство Родины – это главный инстинкт аруаны, во имя которого она готова погибнуть. И поныне живет эта книга «Белая аруана», как лучшая метафора нашего национального сознания и литературы».

...Я до сих пор удивляюсь невероятному сюжету «Белой аруаны». Человек пришел с войны с раной, постыдной для слуха. Он не может больше иметь детей. Тема сакральная, почти кощунственная

для традиционного казахского сознания. Но это и знаковая тема: она как нельзя более важна для сегодняшних дней. Это книга о воспроизводстве души. Она – душа – важнее чисто биологического воспроизводства по принципу: человек человеку подобен. Дело Бога Сатимжан поручил своему герою. И что удивительно, это получилось у героя и у писателя. Как? Это тайна художника, но душа человеческая живет в этой небольшой по объему книге с такой силой, что заставляет мир меняться и жить по ее высокому закону.

Вот уже тридцать лет в тридцати странах читают этот шедевр. Пастернаковский «мохнатый лебедь Каменного века» обрел для мирового читателя санбаевский образ свободы на фоне библейского пейзажа казахской земли. Законы «железного занавеса» здесь не срабатывали. Движение литературы нельзя было прервать волей бдительного цензора. О, как бы мы хотели, чтобы аруана ушла от погони! И ей это удалось. Может быть. Это мы передали ей свое сокровенное желание как завет, ведь в те годы литература была частью нашей жизни, духовной реальностью. И мы помогли, читая. Аруана шагнула в вечность, став явлением мировой прозы» [5].

Современным читателем повесть воспринимается как серьезное философское раздумье о судьбе, счастье и трагедии в человеческой жизни, о единении с родной землей и ее природой, о непреходящих ценностях национального мировосприятия. Сам писатель так говорит о своем произведении: «Жить на земле и не быть хозяином своей судьбы – это горькое ощущение было основной мыслью повести «Белая аруана», которая одной из первых была переведена на немецкий язык. И хотя повесть строится на материале казахской жизни, она почему-то позволила однажды сказать моему другу, профессору Ральфу Шредеру, что эта повесть о будущем воссоединении двух Германий. Думаю, так и должно быть. Ибо у национального писателя один путь. Он должен выразить все лучшее и далеко не лучшее своего народа, но в незабываемых образах, чтобы принести это как дар своего народа другим народам. Чтобы они взяли из этого все ценное, чтобы избежать в будущем трагедии» [10].

Сюжетное своеобразие повести «Белая аруана» заключается в органическом сочетании приема анимализма с миросозерцанием художника: человек в отношении к животному – это человек в его отношении к миру. Символическая параллель «человек и животное» сама по себе не нова: на этой параллели построены известные произведения классической русской литературы: «Холстомер» Л.Н.Толстого, «Муму» И.С.Тургенева, «Каштанка» А.П.Чехова, «Изумруд» А.И.Куприна и др. Однако в творческом контексте русскоязычного национального писателя, принадлежащего к тюркоязычному этносу, этот прием получает своеобразное преломление. Своеобразие анимализма здесь заключается в том, что такой писатель выбирает для параллели «человек – животное», как правило, такого представителя животного мира, который имеет символическое значение в его этнокультуре. Так, для казахов и киргизов особое

значение имели четыре вида домашних животных: *конь, верблюд, баран и корова*, - которые являлись символами четырех сторон света, четырех стихий, четырех характеров человека. Поэтому, например, у Ч. Айтматова в повести «Прощай, Гульсары» таким символом является *иноходец*, т.е. *конь*. Как пишет П.Гачев: «Конь – космос естественно-природный, исходное состояние. Киргиз ощущает и мыслит мир конем и о себе через коня рассуждает. В иерархии животных конь держит первенство. Конь – телесный образ космоса. Он образец всех качеств: прямоты, гладкости, зеркальности и т.д. Он – посредник между естественным миропорядком и искусственным, сотворенным человеком. Конь – это верхняя часть космоса. Конь глядит вверх и вперед и отрывается от земли, преодолевает притяжение и взлетает. Вместе с ним и человек. Остальные животные земны, к ней тяготеют, в нее глядят» [5, 85]. Для Сатимжана Санбаева естественным было обращение к символу *верблюд*, как наиболее значимому в изображаемом им суровом и своеобразно красивом мире Прикаспийских степей.

По своим художественным особенностям повесть «Белая аруана» выделялась в потоке казахстанской прозы конца 60-х годов настолько, что это позволило А.С. Исмаковой определить ее как «лироэпический рассказ», «лироэпическую поэму в прозе» [2, 318-319].

Позднее (в 1981 г.) повесть «Белая аруана» С.Санбаев вводит в первую часть романа-трилогии «Времена года нашей жизни» – роман «Еще одно лето» с некоторыми изменениями: более подробно описана семья Мырзагали и история его жизни, появляются новые действующие лица (например, приемный сын Мырзагали Жаудат), новые эпизоды. Сравнивая тексты «Белой аруаны» и первой главы романа «Еще одно лето», мы видим, как писатель продолжает работать над словом, находя все новые краски для изображения своих любимых героев. Некоторые изменения в тексте повести в редакции 1981 года оказываются стилистически значимыми, поэтому, анализируя повесть «Белая аруана», необходимо учитывать обе ее редакции.

Социальные, нравственные, философские идеи писателя проявляются в особенностях композиции повести, в подборе речевых средств, динамически раскрывающих изображение окружающего мира.

«Белая аруана» строится как повествование незримого автора, который ненавязчиво и тонко комментирует и оценивает увиденное, преломляя происходящее через свое индивидуальное восприятие. Автор не является субъектом речи (в данном произведении избран тип объективного повествователя – повествование не от первого лица, при котором автор не обозначается синтаксическими средствами). Но образ автора здесь представляет, по выражению В.В. Виноградова, «концентрированное воплощение сути произведения» [1, 118].

Отмеченная выше особенность повести как «сложного композиционного художественного речевого целого» - прием сближения, отождествления человека и животного – представляется основным

композиционно-стилистическим решением, организующим ее образную и лингвистическую структуру. В композиционном плане это проявляется, прежде всего, в том, что образы Мырзагали и *аруаны* – сквозные, организующие в произведении С.Санбаева, все события повести связаны с этими двумя равноправными действующими лицами. В лингвистическом плане символическая параллель «человек – животное» выражается особым подбором лексики, приемами ее композиционно-синтаксического введения в текст.

Повесть отчетливо членится на шесть частей – целостных композиционно-смысловых отрезков. Примечательно, что четыре из них начинаются описанием природы и повествованием о *действиях* верблюжонка. Старик Мырзагали появляется на этом фоне, и все его заботы, все события в его жизни описываемого временного периода связаны с *поступками* верблюжонка, как бы подчинены им. Мырзагали, испытавший горечь войны и личных страданий, сумел сохранить в себе душевную теплоту. Его необычная привязанность к верблюжонку – это неосознанное стремление человека найти в творении природы свой островок спасения, душевного спокойствия, источник жизненной силы.

Мырзагали относится к верблюжонку, как к ребенку – *осиротевшему ребенку*. Это подчеркивается подбором лексики, связанной с семантическим полем «мать – ребенок», при передаче внутреннего монолога героя или описании его действий: «**Глупый**, думал он (т.е. Мырзагали – М.А.), *оглядывая длинноногого худого верблюжонка, тихо шагавшего за конем. Твоей матери ведь нет, и тебя, быть может, подарили мне, чтобы не слышать твоего плача. Разве я согласился бы взять тебя, если бы она была жива?.. Глупый...*» А верблюжонок *послушно переставлял длинные прямые ноги и изредка, когда старик заговаривал вслух или кашлял, поднимал на него огромные черные с поволокой печальные глаза и устало вздыхал...* («Белая аруана» - 8, 10). При этом в редакции 1981 г. («Еще одно лето») эта семантика отношений «мать/отец - ребенок» в некоторых случаях усиливается изменением лексического наполнения предложения. Сравните: *Он как-то незаметно для себя привязался к верблюжонку и теперь целыми днями возился около него* («Белая аруана» - 8, 13) - *Он как-то незаметно для себя привязался к верблюжонку и теперь целыми днями возился с ним* («Еще одно лето» - 9, 7). Если в первом варианте Мырзагали *возился около* верблюжонка, то во втором он *возится с ним*, как с ребенком. Или: *Мырзагали скинул с верблюжонка попоны и пошел на пастбище вместе с ним* («Белая аруана» - 8, 14) – *Мырзагали скинул с верблюжонка попоны и пошел на пастбище вместе с ним, в самом хвосте стада* («Еще одно лето» - 9, 7). С.Санбаев очень точно подбирает слова: не *погнал на пастбище* и даже не *повел на пастбище*, а именно *пошел вместе с ним*. Писатель показывает, что Мырзагали, незаметно для себя, начинает общаться с верблюжонком, как с человеком: *Мырзагали отвязывал его по вечерам, поил, заводил в маленький,*

наскоро сколоченный загон и, положив руку ему на горбик, **подолгу разговаривал**. Верблюжонок вел себя смиренно, будто привык к его рукам и тонкому ласковому голосу. Он спокойно жевал жвачку и молча слушал Мырзагали («Белая аруана» - 8, 10). Этот мотив усиливается во второй редакции, сравните: *Через несколько минут старик уже давал сено тайлаку* («Белая аруана» - 8, 15) - *Через несколько минут старик уже давал сено тайлаку и наказывал ему вести себя умно* («Еще одно лето» - 9, 9). Такой специфический подбор лексики усиливает экспрессивность синтаксических конструкций с обращением (см. первый пример в приведенном ряду: *Глупый...*).

Сама аруана предстает в повести как равноправный герой, наделенный собственным характером, душевными переживаниями. Точная и выразительная лексика передает отношение автора к этому герою как к личности, постепенно формирующейся на наших глазах. В начале повести перед нами длинноногий верблюжонок, затем – подросток тайлак (двухлетка), который ведет себя, как озорной подросток (*Тайлак, озорую, понесся впереди, будоража и увлекая за собой собак* /«Белая аруана» - 8, 14/ - *Тайлак, озорую, понесся впереди, будоража и увлекая за собой собак, скучавших в подворотнях* /«Еще одно лето» - 9, 8/), и, наконец, - взрослая верблюдица - белая аруана. Мырзагали с гордостью и тревогой следит за этими изменениями: *Он* (верблюжонок - М.А.) *заметно изменился. Ноги стали еще длинней, и казалось, что верблюжонок весь обсыпан чистым пушистым снежком. Старик уначала льстили восхищенные возгласы людей, но потом он спохватился, накиннул на верблюжонок рваную, грязную попону, чтобы уберечь от дурного глаза* («Белая аруана» - 8, 12) – *Он заметно изменился. Ноги стали еще длинней, и казалось, что верблюжонок весь обсыпан чистым пушистым снежком. Старик уначала льстили восхищенные взгляды людей, обращенные на его любимца, но потом он спохватился, накиннул на верблюжонок рваную, грязную попону, чтобы уберечь от дурного глаза* («Еще одно лето» - 9, 5);

Верблюжонок его за зиму вырос в рослого, красивого тайлака – белого с ног до головы, с длинными ногами, длинной шеей и огромными, обрамленными густыми ресницами, черными глазами («Белая аруана» - 8, 14) - *Верблюжонок его за зиму вырос в рослого, красивого тайлака – белого с ног до головы, с длинными ногами, длинной шеей и огромными в густых ресницах черными глазами* («Еще одно лето» - 9, 8);

...он не поверил своим глазам. В загоне вместо тайлака стояла молодая статная верблюдица с быстрыми, несколько беспокойными движениями. Он удивился такой резкой перемене, произошедшей за какие-нибудь четыре месяца, и внимательно смотрел на верблюдицу, обещающую стать в скором времени сильной и властной («Белая аруана» - 8, 19).

В результате в центре внимания оказывается внутренняя жизнь личности, богатство и интенсив-

ность переживаний которой раскрывается в многообразии воспринимаемых ею в момент созерцания деталей и признаков. В приведенном описании выросшей верблюдицы замыкается цепь наращивания стилистических оттенков лексемы *аруана*, олицетворение, «очеловечивание» достигает высшей точки в сочетании *верблюдица, обещающая стать в скором времени сильной и властной*. В четвертой части повести аруана превращается в главную героиню, наделенную сильным и независимым характером: *Верблюдица не привязалась к Мырзагали и Асиму, сколько они ни ухаживали за ней. Белая верблюдица, казалось, вообще не любила людей* («Белая аруана» - 8, 21); *Нетерпеливо и строго подзывала она теперь верблюжонок и трогала с места первая* («Белая аруана» - 8, 24). Но не только с людьми не ладит аруана. Даже в стаде она держится особняком, не принимает обычных двугорбых верблюдов. Необычность и одиночество аруаны в чуждом для нее мире, далеко от ее родных мест, подчеркивается дополнительным приемом – символикой цветообозначения.

Вторую часть главной стилистически достаточной единицы рассматриваемой повести составляет прилагательное «белый». Вынесенное в название повести сочетание «Белая аруана» напоминает, как пишет А.С.Исмакова, «скорее заглавие поэмы или лирического стихотворения» [2, 318], да и все произведение воспринимается как лиро-эпический рассказ. Важную часть композиционно-стилистического решения повести составляет символика цветообозначения.

В прозе С.Санбаева вообще широк круг речевых средств, воссоздающих разные проявления чувственного восприятия, благодаря которым любое из произведений писателя представляет многогранную картину, включающую звуковые, зрительные и осязательные образы, которые нередко накладываются друг на друга в пределах одного композиционно-синтаксического отрезка. Пример такого наложения представляет описание гор Актау в «Белой аруане» (приведем его полностью: динамическое описание с синтаксическим параллелизмом + повествование с элементами повествования):

У моря, у Меловых гор³ рождается такой ветер. Горы наполняются странными тихими звуками и как бы устремляются ввысь, выпрямляясь и вытягиваясь, и становятся неприступнее. Белый сухой туман заполняет ущелье и, медленно колыхаясь, заволакивает скалы. А звуки, словно разноцветные ручьи, делают все сильнее, все необычнее, и эхо множит их. Тесно становится этой музыке меж светящихся скал, и она устремляется на севере, в степи, и каждая скала все громче, мощнее влетает свой голос в эту струю. Она течет, разливаясь по безбрежному простору, заставляя разноголосно петь желтые пески, вбирая в себя все запахи степи, накаляясь на такырах.

³ В редакции 1981 года («Еще одно лето»): «У моря. в горах Актау...».

Трепетно замирают чуткие сайгаки, поводя ушами и обнюхивая этот звучный сухой ветер, и бегут на север, от солнца, опустив головы в короткие свои тени; прячутся птицы в траву; тревожно оглядывая мерцающее небо, пастухи гонят стада поближе к колодцам. Суховой надолго приходит из Мангыстау... («Белая аруана» - 8, 25).

В приведенном отрезке текста суховой, «рожденный у Меловых гор», предстает в звуках (*Горы наполняются странными тихими звуками...; ...звуки, словно разноцветные ручьи...; Тесно становится этой музыке...*), в красках (*Белый сухой туман...; ...меж светящихся скал...; ...разноцветные ручьи...; ...желтые пески...*), в ощущениях (*...этот звучный сухой ветер...; ...накаляясь на такрыях*).

В прозе С.Санбаева фиксируется многообразие оттенков цветов. С этой целью обычно используются «цветовые» прилагательные. В повести «Белая аруана» цветовых прилагательных, как и оттенков цвета, немного: белый, желтый, синий, серый, зеленый, темный, красный, кровавый. Самым частотным из них в повести «Белая аруана» является слово «белый»: *белый верблюжонок; страна белых, как молоко, гор; матово-белый верблюжонок; белое невесомое облако; белый туман; белая накипь*. Этот ряд можно продолжить и другими словосочетаниями. Композиционно этому цветовому полю противостоят словосочетания с прилагательными *красный* и *кровавый*: *красные руки; кровавые слезы*. Нередки сочетания глагола или глагольных форм со значением цветового признака: *матово серебрились, выбеленные солнцем и дождем, земля зазеленела, пожелтели травы, забелели юрты*. Для характеристики главной героини повести С.Санбаев выбирает белый цвет не случайно. В этом факте находит отражение специфика национальной картины мира. В казахской традиционной культуре белый цвет имеет очень широкое значение: «На белой кошме поднимали избранного хана⁴. На белой кошме несли покойника до могилы. Белая кошма – основа свадебного убора невесты...Использование белого цвета широко, спектр его применения не ограничен» [6, 39]. Белый цвет – это символ добра, цвет чистоты и справедливости в казахском фольклоре. Многовековая эстетическая народная мысль получает воплощение в художественном слове.

Сочетание *белая аруана* приобретает у С.Санбаева символическое значение. С одной стороны, лексема *аруана* получает расширение своего значения и превращается из наименования животного в наименование личности, наделенной стойким характером, одинокой, свободолюбивой. С другой, – определение *белая* распознается как *чистая, возвышенная, красивая*. Изменение функциональной значимости лексемы *аруана* в тексте повести С.Санбаева подготовлено избранным писателем основным композиционно-стилистическим решением – сближением, отождествлением человека и животного. Функциональная значимость второй части сочетания –

белая – обусловлена ее национально специфическим лингвокультурологическим значением. Таким образом, в контексте повести сочетание *белая аруана* приобретает, благодаря сложной мотивации (авторской и лингвокультурологической) символическое значение, становится символом гордости, благородства, красоты, свободолюбия, превращается в стилему данной повести.

Повесть «Белая аруана» – одно из наиболее известных произведений С.Санбаева, создавшее «имя» молодому автору. Символика белого цвета в этой повести – один из наиболее важных элементов художественного мира, созданного писателем. Этот элемент проявляется не только на лексико-морфологическом уровне, но и отражается в композиционно-синтаксической организации повести. Для этой повести характерны описательные конструкции с повторяющимися элементами «белый», «белесый», «серебристый», синонимические средства связи предложений в составе сложного синтаксического целого, опирающиеся на синонимический ряд «белый» и т.п.

Так, например, первая часть повести, открывается динамичным зачином – сложным синтаксическим целым, сразу же вводящим читателя в главную событийную линию повести: *На седьмой день верблюжонок исчез. Старик думал, что он привык уже к новым места, и перестал было за ним приглядывать. Да и всю эту неделю верблюжонок ни разу не отбивался от стада. Но сегодня, когда верблюды возвратились с пастбища, его среди них не было. Старик забеспокоился, тут же обошел соседние аулы, расспрашивая знакомых пастухов. Посетил он аул Байги-тюбе на другом конце Маката, заглянул даже в кое-какие дворы, хозяев которых недолюбливал, и вернулся домой в полночь, усталый и огорченный. Никто не видел белого верблюжонка* [8,9]. Только в самом конце приведенной конструкции в описании верблюжонка появляется важная деталь – определение *белый*. Предложение *Никто не видел белого верблюжонка* образует «композиционно-синтаксическую точку» [3, 153] приведенного сложного синтаксического целого. Именно эта «композиционная точка» вводит в сознание читателя важную деталь: верблюжонок, которого ищет старик, необычен, чем-то выделяется среди других животных, он *белый*. Эта часть повести рассказывает о первом побеге белого верблюжонка – будущей *белой аруаны*. Композиционно-синтаксической вершиной первой части становится повествовательно-описательная конструкция – сложное синтаксическое целое, в котором беспокойство старика, ищущего белого верблюжонка, достигает высшей точки. В этом сложном синтаксическом целом используются лексемы *белый, белесый, выбеленный*: *Потом он вспомнил о волках. И сразу же подумал, что белый верблюжонок – видный издали и неопытный – стал легкой добычей. Старик провел целый день на рыхлых белесых островах солончаковых озер Сагиза, рассматривая обглоданные зверьем кости. Они сплошь покрывали острова, но были все старые, выбеленные солнцем и дождем;*

⁴ См. эпизод с избранием Ботакана новым вождем кипчаков в повести С.Санбаева «И вечный бой...!».

ничто не указывало на присутствие волков. Но старик сник при виде этой ужасной картины [8, 10].

Вторая, самая короткая, часть повести рассказывает об изменениях, происходящих в растущем верблюжонке, привлекающих внимание окружающих. Композиционно-синтаксической вершиной здесь оказывается повествовательно-описательная конструкция с обособленным определением *белый с ног до головы*, подчеркивающая необычность одного из двух главных героев повести, черту, привлекающую всеобщее внимание: *Верблюды первыми потянулись в степь; теперь их ничто не могло удержать в поселке. Мырзагали скинул с верблюжонка попоны и пошел на настбище вместе с ним. Верблюжонок его за зиму вырос в рослого красивого тайлака - белого с ног до головы, с длинными ногами, длинной шеей и огромными, обрамленными густыми ресницами черными глазами. И Мырзагали очень скоро вновь напялил на него попоны* [8, 14]. Необычность отмеченной черты верблюжонка подчеркивают те изменения в тексте, которые писатель вносит во второй вариант повести, вошедший в роман-трилогию «Времена года нашей жизни»: *Верблюды первыми потянулись в степь; застоявшихся за долгую зиму животных теперь ничто не могло удержать в поселке. Мырзагали скинул с верблюжонка попоны и пошел на настбище вместе с ним, в самом хвосте стада. Верблюжонок его за зиму вырос в рослого красивого тайлака - белого с ног до головы, с длинными ногами, длинной шеей и огромными в густых ресницах черными глазами. И Мырзагали, ставший в последнее время суеверным, вновь напялил на него попоны* [8, 9].

Кульминационную точку последней части повести образует уже приводимая ранее повествовательно-описательная конструкция (см. описание Меловых гор: «*У моря, у Меловых гор рождается такой ветер...*»), состоящая из нескольких сложных синтаксических целых, в которой белый цвет является основным лейтмотивом. Приведем здесь

лишь те композиционно значимые компоненты этой протяженной конструкции, которые включают элементы, указывающие на белый цвет: *Это был ветер страны причудливых, поющих белых гор, которую она помнила.*

У моря, у Меловых гор рождается такой ветер... Белый сухой туман заполняет ущелье... Далекие, родные белые горы, объятые белым, как молоко, туманом, звали ее. ... Порывами налетал суховей, и пот белой накипью соли оседал на груди и животе аруаны. Она уходила в степь дальше, растворяясь в знойном мареве... [8, 25].

Отмеченные конструкции занимают особую позицию в каждой из шести частей повести «Белая аруана». Как правило, такое описание (часто с элементами повествования) отмечает одну из композиционных «вершин» развития сюжета, переломную «точку кульминации», после которой сюжетное напряжение в тексте усиливается, намечается новый поворот в развитии событийной или эмоциональной линии.

Литература:

1. Виноградов В.В. О теории художественной речи. - М., 1971. - С. 240.
2. Исмакова А.С. Казахская художественная проза. Поэтика, жанр, стиль (начало XX века и современность). - Алматы, 1998. - С. 394.
3. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. - М., 1973. - С. 178.
4. Косенко П. Степь и время. - «Иртыш», 1973.
5. Накипов Д. «Белая аруана». // «Казахстанская правда», 1999.
6. Гачев П. Национальные образы мира. - М., 1988.
7. Каракузова Ж.К., Хасанов Н.Ш. Космос казахской культуры. - Алматы, 1993. - С. 189.
8. Санбаев С. Колодцы знойных долин. - М.: «Известия», 1976. - С. 412.
9. Санбаев С. Времена года нашей жизни. - Алматы: Жалын, 1981.

¹ Тайлак – двухлетка (Примечание С.Санбаева).

Рецензент: к.филол.н., профессор Баанбек кызы Лауре.